

УДК 316

ФОРМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СТРАТЕГИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЮНОШЕСТВА В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ. АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ*

О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. В статье приведен анализ результатов социологического исследования, проведенного в форме интервью с новосибирцами в возрасте 14–19 лет. Исследование было направлено на выявление форм этнической идентичности у современного юношества и их связь с предпочитаемыми молодыми людьми стратегиями межэтнической интеграции. Продемонстрировано, что разные сочетания показателей определенности и валентности этнической идентичности формируют набор ее форм. На основе анализа результатов исследования описаны три формы этнической идентичности: выраженная, номинальная и дистанцированная. Выявленные формы этнической идентичности отличаются по содержанию того, что вкладывается в понимание собственной идентичности, а также влияют на выбор стратегий межэтнического взаимодействия. Показано, что выраженной форме этнической идентичности соответствуют интеркультуралистская и культурно ориентированная стратегии межэтнического взаимодействия, а дистанцированной форме – омникультуралистская.

Ключевые слова: этническая идентичность, межэтническая интеграция, интервью, юношество, полиэтничное сообщество.

Для цитирования: Персидская, О. А. (2021). Формы этнической идентичности и стратегии межэтнической интеграции юношества в городском сообществе. Анализ результатов исследования. *Respublica Literaria*. Т. 2. № 3. С. 85-103. DOI: 10.47850/RL.2021.85-103.

FORMS OF ETHNIC IDENTITY AND STRATEGIES OF INTERETHNIC INTEGRATION OF YOUNG PEOPLE IN THE URBAN COMMUNITY. ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE STUDY*

O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. The article provides an analysis of the results of a sociological study conducted in the form of interviews with Novosibirsk residents aged 14 to 19 years. The study was aimed at identifying the forms of ethnic identity in modern youth and the relationship of these forms with the strategies of interethnic integration. It is shown that different

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 20-411-543001 «Влияние этнической идентичности на представления о межэтнической интеграции у юношества в городском сообществе».

* Acknowledgments: The research was funded by RFBR and Novosibirsk region, project number 20-411-543001 “The impact of ethnic identity on the perception of interethnic integration among young people in the urban community”.

combinations of indicators of the severity and valence of ethnic identity form a set of forms of ethnic identity. This allows us to get away from a one-dimensional interpretation of this phenomenon. The identified forms of ethnic identity differ both in the content of what is invested in the understanding of one's own ethnic identity and in the choice of strategies for interethnic interaction. Based on the analysis of the research results, three forms of ethnic identity are described: pronounced, nominal and distant. It is shown that an intercultural and culturally oriented strategy of interethnic interaction corresponds to a pronounced form of ethnic identity, and an omniculturalism to a distant form.

Keywords: ethnic identity, interethnic integration, interviews, youth, multiethnic community.

For citation: Persidskaya, O. A. (2021). Forms of Ethnic Identity and Strategies of Interethnic Integration of Young People in the Urban Community. Analysis of the Results of the Study. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no 3. pp. 85-103. DOI: 10.47850/RL.2021.85-103.

В социальной философии и социально-гуманитарных и педагогических науках существует значительное число исследований, посвященных этнической идентичности. В них она, как правило, предстает в качестве одномерного параметра, являющегося компонентом идентификационной матрицы индивида. Отдельный пласт исследований посвящен стратегиям межэтнической интеграции. Часто они направлены на выявление механизмов достижения абстрактного желаемого образа – полиэтнического сообщества с высокой степенью интегрированности его членов. Представляется, что между указанными феноменами – этнической идентичностью и межэтнической интеграцией – должна существовать связь, ведь только в полной степени определив собственную этническую идентичность в единстве составляющих ее компонентов и ответив на вопрос «Кто я с точки зрения этнической принадлежности?», можно перейти к осмыслению представлений о межэтнической интеграции, то есть ответить на вопрос «Зачем мне другой и как встроить его в свою картину мира?». Несмотря на очевидность предположения о существовании этой связи, исследований, посвященных изучению и этнической идентичности, и стратегий межэтнической интеграции, нами было зафиксировано крайне мало [см., например: Солдатова, 1998; Волков и др., 2016; Домашев, Прокопьева, 2018]. Не отрицая значимости упомянутых и подобных исследований, позволим себе заметить, что в них этническая идентичность рассматривается как нечто, находящееся в процессе своего становления, а интегрированное состояние полиэтнических сообществ и гармоничность межэтнических отношений, как правило, связываются с наиболее полным осознанием их членами собственной этнической идентичности. Другие формы, которые может иметь этническая идентичность у разных людей, остаются недостаточно изученными. Проведенное нами исследование в некоторой степени коррелирует с исследованиями сотрудников Института философии и права СО РАН М. А. Абрамовой, Г. С. Гончаровой и В. Г. Костюка [Абрамова, Гончарова, Костюк, 2013; 2014; 2018], посвященными выявлению социокультурных типов молодежи разных регионов России и связи этих типов со стратегиями межэтнического взаимодействия. Существенное различие состоит как в теоретико-методологическом каркасе нашего и упомянутых исследований и масштабах, так и в смысловых акцентах, позволивших коллегам выявить существенные региональные различия в соотношении этнической,

общероссийской и республиканской самоидентификаций молодежи и ее аккультурационных стратегий, а нам – рассмотреть разные формы этнической идентичности юношества в полиэтнической среде города.

Так как исследователи сходятся в убеждении, что формирование этнической идентичности в основном происходит в подростковом возрасте [Phinney, Ong, 2007], отметим, что в этой связи особенно актуально исследование этнической идентичности и стратегий межэтнической интеграции у представителей юношества, впечатления которых свежи, а воспоминания о значимых событиях отчетливы. Все это актуализировало необходимость проведения данного исследования.

Исследовательские подходы к определению форм этнической идентичности и стратегий межэтнической интеграции

Этническая идентичность – это результат эмоционально-когнитивного процесса осознания человеком своей принадлежности к этнической общности [Науменко, 2003, С. 350]. Эта идентичность является сложным и многогранным феноменом, постоянно изменяющимся под действием факторов среды, в которой находятся ее носители. Исходная посылка нашего исследования базировалась на убеждении, что эвристическим потенциалом обладают исследования этнической идентичности, сфокусированные на выявлении ее разных форм. В этой связи мы отказались от линейной трактовки этого феномена, когда значения располагаются на континууме от начального нулевого значения (стадия не сформированной этнической идентичности) до положительного полюса (этническая идентичность сформирована). Опираясь на социально-психологический подход, в котором у этнической идентичности выделяется трехчастная структура, включающая когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, в проведенном исследовании мы отталкивались от таких показателей, как выраженность (определенность) и валентность этнической идентичности. Разные подходы к определению выбранных показателей открыли нам возможности для поиска такого их содержания, которое в наибольшей степени отвечает цели и задачам исследования.

Под *определенностью (выраженностью) этнической идентичности* обычно подразумевают субъективное осознание индивидом себя как представителя этнической общности, подкрепленное некоторым уровнем осведомленности о своей этнической культуре. Таким образом, в определенности этнической идентичности раскрывается когнитивный компонент ее структуры.

Для выявления степени определенности этнической идентичности мы использовали два сформулированных нами индикатора – четкость позиции этнической идентичности и ее обоснованность. *Четкость позиции* измерялась через ответ на вопрос о том, какова этническая принадлежность респондента, и имела два основных (помимо промежуточного) положения – когда респондент может или не может идентифицировать себя с точки зрения своей этнической принадлежности. *Обоснованность позиции* выявлялась через анализ ответов

на вопрос о том, что респондент знает о той этнической группе, к которой себя причисляет. Соответственно, основными (помимо промежуточного) положениями обоснованности позиции являются ситуации, когда респондент имеет набор знаний о культуре, традициях, обычаях, стереотипных чертах своей этнической группы или не имеет такого набора.

Сочетание индикаторов четкости и обоснованности этнической идентичности позволило формировать три положения, в которых может находиться определенность (выраженность) этнической идентичности:

О (-): Отрицательная определенность. Респондент не может себя идентифицировать с точки зрения этнической принадлежности и, соответственно, ничего не знает об этнической группе.

О (0): Нейтральная определенность. Респондент может идентифицировать себя с точки зрения этнической принадлежности, но ничего (или практически ничего) не знает о культуре, традициях, обычаях своей этнической общности. Также сюда мы включили интервью, в которых респонденты отвечали на вопрос о том, что они знают о своей этнической группе, очень кратко, стереотипными, обезличенными фразами.

О (+): Положительная определенность. Респондент уверенно определяет собственную этническую идентичность и обладает набором знаний о своей этнической группе.

Валентность этнической идентичности в основном относится к ее аффективному компоненту и выражается в оценке индивидом чувств, связанных с отношением к собственной этнической идентичности и своей этнической группе. Иногда в качестве индикатора используют также позитивность/негативность этнических стереотипов [Berry, 1999]. Анализ результатов, полученных в ходе нашего исследования, показал, что такая широкая трактовка показателя не позволяет однозначно определить валентность у конкретного респондента: нами зафиксированы случаи, когда в ходе интервью человек позитивно оценивал собственную этническую идентичность, но в то же время отрицал наличие у себя хоть каких-то чувств к собственной этнической группе. Также часть респондентов не смогли и/или не захотели высказать суждений по поводу стереотипных черт своей этнической общности, что сделало невозможным опору на позитивность/негативность этнических стереотипов для определения валентности.

В этой связи при анализе результатов данного исследования мы ограничили определение валентности двумя индикаторами – наличием/отсутствием *ощущения общности* с представителями своей этнической группы и *оценкой чувств, связанных с ощущением этой общности* (в случае ее наличия). Сочетание этих двух индикаторов позволило сформулировать три положения, в которых может находиться валентность этнической идентичности:

В (-): Отрицательная валентность. Респондент испытывает чувство общности с представителями своей этнической группы, но дает негативную оценку этому чувству.

В (0): Нейтральная валентность. Респондент не ощущает общности с представителями своей этнической группы, и, соответственно, не дает оценок ощущению этой общности.

В (+): Положительная валентность. Респондент обладает чувством общности с представителями своей этнической группы и позитивно оценивает наличие у себя этого чувства.

Разные сочетания выраженности и валентности этнической идентичности позволили задать двумерную систему координат, на которой могут быть по-разному представлены разные формы этнической идентичности. Графическое отображение этой системы см. на Рисунке 1.

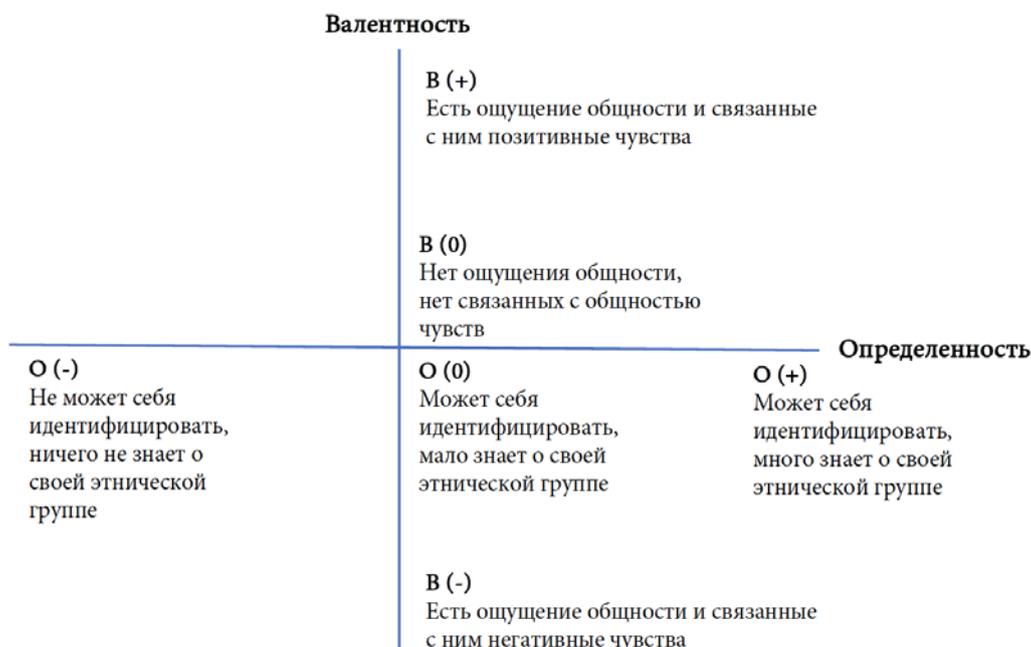

Рис. 1. Двумерная система координат для отображения разных сочетаний определенности и валентности этнической идентичности

Под **стратегией интеграции** мы понимаем мотивационную подструктуру, включающую эпистемологический, экзистенциальный и реляционный компоненты, составляющую, наряду с социально сконструированной надстройкой (являющей собой каркас социальных представлений об организации того или иного общества), содержание идеологии межгрупповых отношений. Идеология межгрупповых отношений дает ответ на вопрос о том, как функционирует общество, обеспечивая за счет этого ответа когнитивные рамки для интерпретации социальной среды [Badea, 2017]. Говоря проще, через представление о том, как устроено общество, идеология межгрупповых отношений задает стратегию того, как следует взаимодействовать, чтобы коммуникация была успешной.

Стратегии межэтнической интеграции являются частным видом стратегий интеграции. В них базовые представления об обществе и роли этнического фактора в его структуре являются основой для представлений о том, какой способ межэтнического взаимодействия является наиболее правильным: продуктивно ли подчеркивание этнических отличий, либо, напротив, следует сфокусироваться на поиске сходств; стоит ли прилагать усилия к стиранию этнических границ, либо нужно стремиться к поиску точек соприкосновения между сохраняющими обособленность и отличительность этническими группами. Понятно, что, хотя все эти стратегии направлены на достижение гармонии

в полиэтнических сообществах, способы, которыми эта гармония достигается, существенно разнятся. Следует также понимать, что стратегии межэтнической интеграции работают как на уровне институциональных структур и влияют на образовательные практики и политические решения, так и обуславливают принципы категоризации каждой отдельной личности, дифференцируя социальный мир человека в соответствии с ними [Guimond et al., 2014].

Стратегии межэтнической интеграции, с которыми в нашем исследовании соотносились разные формы этнической идентичности, были сформулированы как на основании анализа теоретических и практических исследований из областей социальной философии, социологии и социальной психологии [Zapata-Barrero, 2015; Benet-Martínez, 2012; Prashad, 2003; Moghaddam, 2012; Куропятник, Куропятник, 2018; Попков, 2015; Цапенко, Монусова, 2017], так и выявлены в ходе социально-философской экспликации ряда правительственных документов регионального и федерального уровней [Персидская, 2020]. Такой подход позволил обобщить опыт философской рефлексии о спектре возможных стратегий межэтнической интеграции и сопоставить эти стратегии с реальной практикой интегрирования, применяемой к юношеству в учебных заведениях.

1. *Стратегия интеграции через гражданскую идентичность.* Данная стратегия распространена в образовательных практиках учебных заведений России. Предполагается, что общероссийская гражданская идентичность, выступая объединительным началом для представителей всех этнических групп, способствует межэтнической интеграции. Данная стратегия реализуется в системе образования России через патриотическое воспитание, которое выполняет роль интегрирующего фактора. Патриотизм, понимаемый как базовая духовная ценность, раскрывается в нравственных установках и поведенческих стратегиях, основанных на любви к Родине и деятельности во имя ее блага, гражданственности (служении Отечеству, разделении идеалов правового государства, наличии гражданской позиции, осознании своего гражданского долга), социальной солидарности (предполагающей доверие согражданам и власти, а также институтам гражданского общества) [см., например: Сергеева, 2019]. При этом имплицитно предполагается, что общероссийская гражданская идентичность выступает объединительным началом для представителей всех этнических групп.

2. *Культурно ориентированная стратегия.* В рамках данной стратегии внимание фокусируется на значимости для межэтнической солидарности знаний о языке, культуре и ценностях разных этнических групп, представляющих полиэтническое сообщество. Здесь характерно акцентирование важности изучения культурно-исторического наследия этнических групп, их языков, традиций и ценностей. Образовательная политика, сфокусированная на данной стратегии, нацелена на воспитание личности, способной транслировать базовые ценности разных этнических групп России и ощущающей себя интегрированной посредством своей культуры в общероссийское и мировое культурное пространство. Суть этой стратегии раскрывается в формуле: «Человек, познавший свою родную культуру, будет готов к изучению и осознанию значимости культур других народов, уважению к ним» [Иванова, Филиппова, 2016].

3. *Интеркультуралистская стратегия (стратегия межэтнической коммуникации).*

Эта стратегия во многом наследует теоретико-методологический базис, сложившийся в области теории контакта. В ее рамках утверждается, что равностатусное взаимодействие для достижения общей цели между людьми из разных социальных (в том числе этнических) групп способствует снижению взаимной негативной стереотипизации. Практическая реализация данной стратегии направлена на организацию активностей на низовом уровне социальной структуры. Предполагается, что такие мероприятия, как, например, дворовые межэтнические встречи, фестивали национальных видов спорта, промыслов, ремесел, искусств, кухонь и пр. являются основой формирования комплекса личностных установок, носители которых более толерантно ориентированы, а в поле межэтнических взаимодействий способны видеть общие сближающие черты, а не различия.

Обозначенные выше стратегии межэтнической интеграции достаточно известны и широко представлены в образовательных практиках Российской Федерации. Обобщая, акцентируем, что все они, так или иначе восходя к идее позитивного межгруппового контакта, основываются на модели взаимной межгрупповой дифференциации, то есть сохраняют принадлежность к группе как исходное основание взаимодействия. Кроме рассмотренных, нам представляется актуальным введение в область рефлексии социальной философии других стратегий межэтнической интеграции, не получивших пока столь широкую популярность ни в науке, ни в образовательных практиках. Они не основываются на модели межгруппового контакта и в своих основаниях сводятся к модели ингрупповой идентичности [Григорьев и др., 2018].

4. *Стратегия поликультурализма.* Эта стратегия базируется на представлении об этнических культурах как подвижных образованиях с необособленной структурой. Такая установка позволяет акцентировать взаимосвязи и взаимовлияние разных этнических, расовых и религиозных групп как в современном, так и в историческом периодах. Этнические культуры в рамках данной стратегии предстают как продукт переплетенных историй и тесных взаимосвязей и взаимовлияний, а отдельные люди – как наследники прошлого одновременно многих этнических, расовых и религиозных групп. Межэтнические конфликты как противостояние между обособленными, отличающимися друг от друга этническими группами в рамках данной стратегии теряют свой смысл. Такая установка, по мысли ее приверженцев, помогает уйти от эссенциалистского представления об этнических группах как закрытых и статичных образованиях, и сгладить барьеры, возникающие при межэтнической интеграции.

5. *Стратегия омникультурализма.* Данная стратегия делает ставку на общность человеческой природы, имеющую преобладающий, но не исключаящий приоритет над ролью для личности локальной этнической группы: «Конечной целью омникультурализма является построение общества, в котором люди осознают общность человеческой природы и отдают ей приоритет, оставляя также место для признания и дальнейшего развития групповых отличий» [Moghaddam, 2012]. Так как в рамках этой стратегии наряду с общечеловеческими ценностями также находят место и групповые (расовые, религиозные, этнические, культурные и другие)

различия, она может привести к внутриличностному конфликту. Помочь избежать этого, по мнению приверженцев данной стратегии, должна идея о том, что групповые различия вторичны по отношению к универсалистской человеческой природе. Практическая реализация этой концепции в образовательном процессе состоит из двух последовательных шагов: сначала учащимся прививается идея общности человеческих ценностей и универсалий человеческого поведения, затем дается представление о групповых различиях вместе с подчеркиванием ценности разнообразия.

Формы этнической идентичности. Анализ результатов исследования

Социологическое исследование методом неформализованного, направленного глубокого интервью [по классификации: Белановский, 2001] было проведено в период с мая по июль 2021 года в г. Новосибирске. Исследование проводилось по авторскому вопроснику и было направлено на выявление форм этнической идентичности и их связи со стратегиями межэтнической интеграции в урбанизированной полиэтнической среде у юношества. Респондентами выступили молодые люди в возрасте от 14 до 19 лет, из которых 12 человек – девушки, 11 – юноши. Часть респондентов являлась школьниками, часть – студентами вузов и ссузов из разных районов города. Для поиска респондентов использовалась комбинация простого случайного отбора и метода «снежного кома». Последний позволил нам отчасти снять стеснение опрашиваемых и настроить их на доверительную беседу. Всего было взято 22 интервью средней продолжительностью около получаса.

Анализ результатов исследования определенности и валентности этнической идентичности у респондентов позволил сделать ряд выводов по поводу разных форм, в которых существует этническая идентичность, и присущих им черт.

Прежде всего отметим, что нами не зафиксировано интервью с отрицательными положениями определенности и/или валентности у респондента. Все полученные значения либо нейтральные, либо положительные. Это означает, что все опрошенные, как минимум, смогли идентифицировать себя с точки зрения своей этнической принадлежности и ни один не выказал негативных чувств, связанных со своей этнической группой. Это позволяет сделать заключение о том, что типы этнической идентичности, описанные Г. У. Солдатовой как не входящие в границы «нормы», а именно – этнонигилистический тип и тип гипоиентичности [Солдатова, 1998], не были зафиксированы в нашем исследовании. На Рисунке 2 показано, как в зависимости от определенности (выраженности) и валентности этнической идентичности у респондентов распределились полученные ответы.

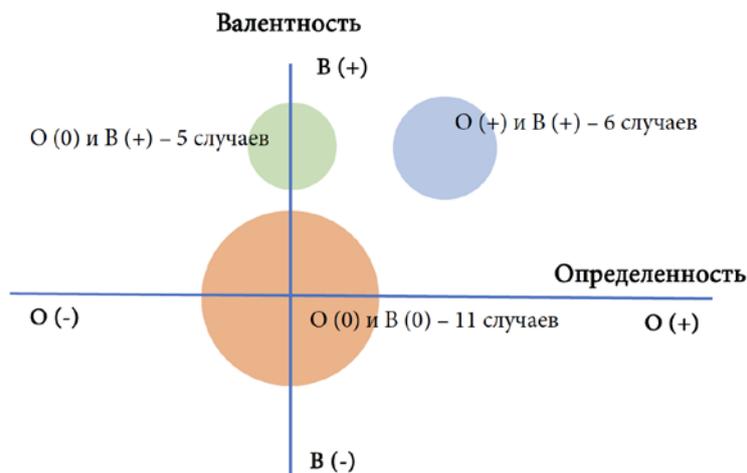

Рис. 2. Распределение опрошенных в соответствии с определенностью и валентностью этнической идентичности

На основании полученного распределения можно говорить о трех основных формах, в которых существует этническая идентичность у людей, принявших участие в исследовании. Мы назвали эти формы выраженной, номинальной и дистанцированной этнической идентичностью. Метод интервью, использованный нами в исследовании, позволил зафиксировать черты, отличающие одну форму от другой.

1. О (+) и В (+): Выраженная этническая идентичность

«В этом (в ощущении себя носителем своей этнической идентичности – О.П.) есть некая особенность для меня, и я гордо ношу это звание. Я люблю свой народ и для меня важно, чтобы в обществе нас принимали»

(Интервью № 6)

Для молодых людей, у которых и определенность, и валентность положительны, характерно наиболее полное представление о собственной этнической идентичности. В данную группу попали 6 человек из 22 опрошенных. В интервью они без промедления называли свою этническую принадлежность и приводили разнообразные сведения о своей этнической группе (это позволило нам сделать заключение о положительной определенности у данной группы). Также все они уверенно сказали о наличии у них чувства общности со своей этнической группой, окрашенное любовью, радостью, гордостью и уважением (что свидетельствовало о выраженной положительной валентности).

Обращает на себя внимание то, что опрошенными были приведены примеры этнически маркированных событий, оказавших влияние как на осознание собственной этнической принадлежности, так и на жизнь в целом: например, общение со сверстниками в Еврейском центре (Интервью № 17), ежегодное празднование с семьей и близкими национального

праздника Навруз (Интервью № 10), увлечение классической русской литературой (Интервью № 13). Также важно, что в интервью они часто использовали «мы-конструкции»: например, рассказывая о традициях и обычаях, говорили, «Мы празднуем» или «У нас принято». Это говорит о том, что этнические черты являются частью личности человека.

Представляют интерес ответы интервьюируемых на вопрос о том, что, по их мнению, означает быть носителем их этнической идентичности. Были перечислены такие этноконсолидирующие факторы, как знание родного языка (и умение говорить на нем без акцента), обладание некоторыми чертами менталитета, глубокие, экзистенциально окрашенные знания о культурном и историческом наследии, вовлеченность в отмечание праздников и следование традициям в семье. Нужно отметить, что для данной группы ответ на этот вопрос давался легче, чем для остальных участников исследования. Такой характер и содержание суждений могут указывать на то, что у респондентов с выраженной этнической идентичностью она не просто констатируется, а наполнена личностными переживаниями.

Отдельно подчеркнем, что в данную группу попали практически все случаи, когда интервьюируемый рос в иноэтнической для себя среде (например, девушка 18 лет, идентифицирующая себя как армянка, родители которой переехали из Армении, а она родилась и росла в Новосибирске; девушка 19 лет, идентифицирующая себя как еврейка, рожденная и проживающая в Новосибирске, но имеющая еврейские корни по матери). Вероятно, именно опыт этнической отличительности оказался важным для рефлексии по поводу вопросов, связанных с этничностью в целом и собственной этнической идентичностью – в частности.

Можно сделать заключение, что у данных респондентов этническая идентичность находится на стадии полного раскрытия или, по Дж. Финни, на стадии достижения [Phinney, 1989].

2. О (0) и В (+): Номинальная этническая идентичность (расколота)

«Когда начали изучать русский язык, когда дали учебники, я понял – я русский»

(Интервью № 21)

Сочетание нулевой определенности и положительной валентности сформировало отдельную группу респондентов (5 человек), характерные черты которых мы также постарались обобщить. Говоря о нулевой определенности, мы имеем в виду, что эти люди, с одной стороны, знают о собственной этнической идентичности, но, с другой стороны, испытывают затруднения с тем, чтобы определить ее конкретное содержание или вовсе отказываются от ответа вопрос о том, что они знают о своей этнической группе. Вот несколько примеров. Идентифицируя себя русскими, респонденты крайне расплывчато и абстрактно отвечают на вопрос о том, что они знают о русских, например: «Речь об исконно славянских традициях? Ну, это достижения в культурной сфере славян, людей, которые являются русскими...» (Интервью № 4); «Ну типа праздники, Масленица там ... Еще народные методы

лечения» (Интервью № 21); «Любят выпивать, как говорят в других странах про нашу. Хорошо переносят холод и физические нагрузки» (Интервью № 2). Далее по ходу интервью звучат фразы, демонстрирующие желание уйти от обсуждения тем, связанных с этничностью: «это не важно», «мне это не интересно», «у меня нет деления по этнической принадлежности». Интервью этой группы свойственна некоторая стереотипность и поверхностность суждений о том, в чем заключается этническая идентичность и как она может выражаться. Кроме того, что ответы на вопрос о том, что интервьюируемые знают о своей этнической группе, были поверхностными, отрывистыми, неуверенными, важно, что ни один из них не был наполнен личностным переживанием или собственной историей, в отличие от ответов группы с выраженной этнической идентичностью.

Казалось бы, такая ситуация с определенностью должна стать основанием для нейтральной валентности, выраженной отсутствием ощущения общности со своей этнической группой и каких-либо чувств по отношению к ней, как в группе носителей дистанцированной этнической идентичности (о ней речь пойдет ниже). Но странность заключается в том, что одновременно у респондентов данной группы зафиксирована положительная валентность. Она выражается как в заявлении о наличии у опрошенных чувства общности со своей этнической группой, так и в том, что это чувство выражается в позитивных эмоциях, таких, например, как радость и гордость. В этой связи содержание этнической идентичности у респондентов данной группы не представляет собой целостную, логичную структуру. Поэтому сочетание нулевой определенности и положительной валентности заставило нас определить эту группу как группу с *расколотой* идентичностью.

На фоне дистанцирования от глубокого обсуждения тем, связанных с этничностью, суждения о том, что быть носителем своей идентичности – это «принадлежать к исторической общности» (Интервью № 5), «уважать людей, уважать себя», «отдавать долг за Родину» (Интервью № 23), «поддерживать свою страну» (Интервью № 21) отличаются, как нам показалось, некоторой декларативностью формулировок. Именно это позволило нам говорить о данной группе не только как о людях, чья этническая идентичность находится в расколотой форме, но и как о носителях *номинальной* этнической идентичности.

Представляется, что у данной группы этническая идентичность еще не обрела конечной формы и находится в процессе становления, но проблема заключается в том, что носителям расколотой (номинальной) этнической идентичности не хватает личного опыта для более глубокой рефлексии о своей идентичности, поэтому он заменяется декларативными и стереотипными представлениями.

3. О (0) и В (0): Дистанцированная этническая идентичность

«Мне кажется, сейчас это (феномены, связанные с этничностью – О. П.) – размытые понятия ... Это пережиток, консерваторское мнение»

(Интервью № 15)

Наконец, третья и наиболее многочисленная группа – 11 человек – продемонстрировала нейтральные положения и определенности, и валентности. В этой группе объединены люди, которые идентифицировали себя с точки зрения собственной этнической принадлежности (хотя часть опрошенных – не сразу), но затруднились с тем, чтобы конкретизировать то, что они знают о своей этнической группе (нейтральная определенность). Эта характеристика сближает третью и вторую группы, но отличием служит то, что здесь опрошенные признались, что не ощущают общности со своей этнической группой (нейтральная валентность).

Для носителей дистанцированной этнической идентичности характерна выраженная ориентация на отрицание значимости этнических отличий: «Это не нужно в принципе. Какая разница» (Интервью № 8); «Вообще не знаю – есть ли разница между людьми разных этносов?» (Интервью № 15); «Это (разговор об этнической идентичности в семье – *О. П.*) всегда было на третьем фоне» (Интервью № 1). Часто в ответах звучала тема этнических границ и важности их преодоления, что позволяет сделать вывод о том, что для людей с такой формой этнической идентичности актуальна тема ухода от создания групп по этническому признаку. Некоторыми разговор об этнической идентичности был воспринят настороженно из-за ассоциации темы этничности и националистических идей: «Важнее быть личностью. Наверное, все-таки сохранение истории своего народа тоже важно, но уходить в национализм неправильно» (Интервью № 1).

Дистанцирование от собственной этнической идентичности в данной группе идет параллельно с акцентированием ориентации на приоритет общечеловеческих ценностей. При этом общечеловеческое и этническое противопоставляются как взаимно исключающие основы идентификации: «Опирайтесь на этнические особенности – это не верно. Человеческие отношения всегда важнее» (Интервью № 15); «По внешности и поведению больше оцениваю людей, а не по их национальной принадлежности (здесь имеется в виду все же этническая принадлежность, но из-за синонимичности в российском дискурсе данных понятий респонденты зачастую путали их – *О. П.*)» (Интервью № 7); «Я отношусь к людям по их поступкам, а не по их национальности» (Интервью № 8).

При этом отметим, что в нашей выборке из 22 интервью оказались два нарратива с упоминанием травмирующего опыта, связанного с этничностью: так, один респондент признался в том, что его вовлекали в конфликты по этническому признаку, вторая – в травле в школе в связи с нетипичной для местности, где она росла, внешностью. Оба респондента, несмотря на травмирующий опыт, тем не менее не отказались от собственной этнической идентичности.

Можно предположить, что у представителей данной группы этническая идентичность находится в начале своего становления. Если следовать периодизации, предложенной Дж. Финни, то такая стадия называется стадией неисследованной (непроверенной) этнической идентичности. Но она характерна для доподросткового возраста, когда дети принимают свою идентичность как данность, перенимая ее от родителей без самостоятельного рефлексирования и конструирования, а в нашем исследовании принимали участие люди более старшего возраста. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что процесс становления этнической

идентичности у современных молодых людей существенно удлиняется. Такое предположение соответствует выводам о пролонгации периода детства и общей инфантилизации современной молодежи, но требует дополнительной проверки.

Пожалуй, наиболее близкие к форме дистанцированной этнической идентичности характеристики были описаны Г. У. Солдатовой у этнически индифферентных людей. Неправоммерно сравнивать охват и характеристики нашего исследования и масштабного опроса Г.У. Солдатовой, но обращает на себя внимание то, что, если по ее заключению доля этнически индифферентных людей не превышает 10–12 % в выборке [Солдатова, 1998, с. 74], то у нас таких – почти половина. Также близко по смыслу описание такой идентичности как этнонигилистской: она предполагает отрицание этнокультурных ценностей и дистанцирование от проблем, связанных с этничностью. В то же время имеются и различия. Так, Г. И. Кузнецов полагает, что этнонигилизм – это крайняя форма негативной этнической идентичности, когда «индивид либо избегает демонстрировать свою этничность, либо вообще отрицает всякую этничность, связывая такую позицию с осознанием низкого статуса своей этнической группы и признанием ее неравноценности по сравнению с другими» [Козырев, 2008, с. 155], чего в нашем исследовании не было зафиксировано. Еще одна ассоциация – трансэтническая личность по Ю. П. Платонову, которая, «не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень представления о своем “я” как субъекте мирового сообщества (гражданин мира)» [Платонов, 2003, с. 222]. Однако Платонов обращался за примерами, иллюстрирующими описываемый им тип, к великим личностям – Льву Толстому и Махатме Ганди, а не к результатам практических исследований, что не позволяет в полной мере соотнести полученные результаты.

Стратегии межэтнической интеграции. Анализ результатов исследования

При помощи блока вопросов о стратегиях межэтнической интеграции мы попытались выявить принципы, в соответствии с которыми каждая отдельная личность дифференцирует и категоризирует окружающий мир с точки зрения представлений о роли и значимости феноменов, связанных с этничностью. В вопросах интервью мы сформулировали выражения, отражающие разные стратегии межэтнической интеграции, и предложили опрашиваемым выбрать наиболее близкие их мировоззрению, а также обосновать свой выбор. Выражения отражали суть стратегий межэтнической интеграции, о которых шла речь выше: (1) стратегии интеграции через гражданскую идентичность, (2) культурно ориентированной, (3) интеркультуралистской, (4) поликультуралистской и (5) омникультуралистской стратегий. Мы не настаивали на том, чтобы опрашиваемый выбрал только один ответ, поэтому анализ результатов включает более чем 22 позиции.

Общее распределение полученных ответов выглядит следующим образом: в качестве наиболее близкой для себя стратегия интеграции через гражданскую идентичность была выбрана 2 раза; интеркультуралистская и поликультуралистская – по 4 раза каждая; культурно ориентированная и омникультуралистская – по 8 раз каждая.

Интересно, что выбор той или иной стратегии межэтнической интеграции, по-видимому, находится в зависимости от формы этнической идентичности респондента. Данный тезис, разумеется, нуждается в дополнительной проверке на более широкой выборке, но в рамках полученных нами результатов люди с выраженной этнической идентичностью показали ориентацию на интеркультуралистскую (4 раза) и культурно ориентированную (2 раза) стратегии, то есть на стратегии, основанные на модели взаимной межгрупповой дифференциации, а с дистанцированной – на омникультуралистскую, основанную на модели ингрупповой идентичности (7 раз). В группе с номинальной (расколотов) этнической идентичностью голоса разделились и явного предпочтения той или иной стратегии не удалось выявить (стратегия интеграции через гражданскую идентичность была выбрана 2 раза, остальные стратегии – по одному разу). На Рисунке 3 показано распределение полученных ответов.

Рис. 3. Выбор стратегии межэтнической интеграции в зависимости от формы этнической идентичности

Обоснование выбора стратегий также разнилось по группам с выраженной и дистанцированной формами этнической идентичности. Так, в группе с выраженной идентичностью звучали суждения о важности межэтнической коммуникации для достижения понимания: «Я за то, чтобы люди общались. Когда общаешься, начинаешь понимать» (Интервью № 6); «Если больше общаться друг с другом и приобщить других к нашим традициям, то конфликтов будет меньше» (Интервью № 10).

Также акцентировалась актуальность подчеркивания этнических особенностей как важный фактор самоидентификации личностей и сообществ: «Достаточно интересно, лично для меня, изучать традиции и культуру других национальностей, и я считаю, что так нам будет проще принять другого человека» (Интервью № 19); «Я считаю, что нельзя относиться к другим традициям и вероисповеданиям с неуважением. Нельзя относиться к ним с безразличием» (Интервью № 10); «Я за то, что этническая принадлежность важна» (Интервью № 6)

В группе с дистанцированной этнической идентичностью омникультуралистская стратегия была выбрана людьми из-за преобладающей установки на важность личностных качеств для выстраивания коммуникации: «На себя переведу: мне важно то, какой человек сам по себе – по характеру и так далее. На остальное – национальность, цвет кожи – мне плевать» (Интервью № 9); «Я оцениваю любого человека как личность» (интервью № 1).

Кроме того, отчетливо считывается ориентация на общечеловеческие ценности для достижения мирного сосуществования, предполагающая стирание каких бы то ни было границ между людьми: «Люди не выбирают национальность. Опирайтесь на этнические особенности – это не верно. Человеческие отношения всегда важнее» (Интервью № 15); «У большинства людей ценности совпадают между собой» (Интервью № 14); «Все мы люди прежде всего» (Интервью № 8).

Заключение

Опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать два основных вывода. Во-первых, устоявшееся в академической литературе отождествление процесса этнической идентификации со шкалой, направленной от нулевого состояния (идентичность не сформирована) к положительному полюсу (идентичность сформирована и выражена), по-видимому, должно быть изменено. Как показало исследование, далеко не каждый человек приходит к полному осознанию и принятию собственной этнической идентичности. Для кого-то, как для носителей номинальной (расколотой) этнической идентичности, она является категорией, практически не наполненной личностными смыслами, а кто-то (как представители группы с дистанцированной идентичностью) настроены уходить от этнической категоризации, противопоставляя ее общечеловеческим ценностям. Поэтому для определения трансформаций, произошедших с этнической идентичностью в современных полиэтнических сообществах, скорее допустима метафора не шкалы, а пространства, включающего ее разные формы.

Во-вторых, зафиксирована связь между формой этнической идентичности и предпочитаемыми стратегиями межэтнической интеграции. Стратегии, акцентирующие значимость этнического фактора для жизни полиэтнических сообществ, то есть культурно ориентированная и интеркультуралистская, оказались востребованы лишь теми, кто имеет наибольшую степень определенности собственной этнической идентичности, ощущает общность со своей этнической группой и позитивные чувства по отношению к ней. Очевидно, что выраженная этническая идентичность объединяет значительный опыт рефлексии по отношению к вопросам, связанным с этничностью. Этот опыт становится основанием для выбора соответствующих паттернов поведения в межэтническом взаимодействии: принятии собственной этнической отличительности и особенностей других, готовности к контактам с представителями разных этнических групп, использования знаний об этнических различиях при коммуникации. В этой связи представляется, что ориентированные на подчеркивание этнических особенностей образовательные программы, правительственные стратегии, мероприятия, проводимые некоммерческими организациями, будут эффективны лишь для тех представителей юношества, у которых этническая идентичность находится в выраженной форме. У нас нет достаточных данных для того, чтобы судить о том, насколько распространена у современной молодежи выраженная форма этнической идентичности, но в нашем исследовании таких людей оказалось немногим больше четверти.

Совершенно другая стратегия востребована людьми с дистанцированной формой этнической идентичности, которые стараются уходить от этнической проблематики и выбирают омникультурализм как наиболее близкую для себя стратегию интеграции. По-

видимому, ими интеркультуралистские и культурно-ориентированные стратегии, на которые сделана значительная ставка в современном образовательном процессе, могут попросту не восприниматься. Одним из негативных последствий такой ситуации может стать формирование у обучающихся поверхностного представления о других этнических культурах, превращение культуры «иного» в экзотическое зрелище, привлекательное по форме, но лишенное внутреннего содержания. Таким образом, картина мира и система ценностей другой культуры понимается искаженно и поверхностно; соответственно, взаимопонимание культур становится в таких условиях практически невозможным. Это актуализирует проблему соотношения целей и задач образовательного процесса, связанных с этнокультурной проблематикой, с разными формами этнической идентичности у юношества и предпочитаемыми ими стратегиями межэтнической интеграции.

Все это позволяет сделать заключение о том, что связь между формой этнической идентичности и стратегиями межэтнической интеграции у юношества может представлять не только академический интерес, но и иметь значение для практики образовательных процессов.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Костюк, В. Г., Гончарова, Г. С. (2013). Самоидентификация и межэтнические установки социокультурных типов молодежи: этническое и региональное. *Вестник Новосибирского государственного университета*. Т. 11. № 4. С. 85-92.

Abramova, M. A., Kostyuk, V. G., Goncharova, G. S. (2013). Self-identification and Interethnic Attitudes of Sociocultural Types of Youth: Ethnic and Regional. *Vestnik NSU*. Vol. 11. no. 4. pp. 85-92. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2014). *Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты*. Новосибирск.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2014). *Sociocultural Types of Youth: Ethnic and Regional Aspects*. Novosibirsk. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2018). Типы идентичности молодежи и взаимодействие в межэтническом пограничье. *Русич*. Т. 51. № 1. С. 282-297.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2018). Types of Youth Identity and Interaction in the Interethnic Borderlands. *Rusich*. Vol. 51. no. 1. pp. 282-297. (In Russ.)

Белановский, С. А. (2001). *Глубокое интервью: Учебное пособие*. М. Никколо-Медиа.

Belanovskiy, S. A. (2001). *Deep Interview: A Study Guide*. Moscow. (In Russ.)

Волков, Ю. Г., Войтенко, В. П., Воденко, К. В., Глушкова, С. А., Денисова, Г. С., Лубский, А. В., Сериков, А. В. (2016). *Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия*. Ростов-на-Дону.

Volkov, Yu. G., Voitenko, V. P., Vodenko, K. V., Glushkova, S. A., Denisova, G. S., Lubsky, A. V., Serikov, A. V. (2016). *Constructing an All-Russian Identity in the Context of Interethnic and Interreligious Interaction*. Rostov-on-Don. (In Russ.)

Григорьев, Д. С., Батхина, А. А., Дубров, Д. И. (2018). Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте. *Культурно-историческая психология*. Т. 14. № 2. С. 53-65. DOI: 10.17759/chp.2018140206.

Grigoriev, D. S., Batkhina, A. A., Dubrov, D. I. (2018). Assimilationism, Multiculturalism, Ethnic Color Blindness and Polyculturalism in the Russian Context. *Cultural-Historical Psychology*. Vol. 14. no. 2. pp. 53-65. DOI: 10.17759/chp.2018140206. (In Russ.)

Домашев, А. Н., Прокопьева, Н. В. (2018). Этническая идентичность в контексте процессов межэтнической интеграции. *Социальная интеграция и развитие этнокультур в Евразийском пространстве*. № 6-1. С. 433-439.

Domashev, A. N., Prokopyeva, N. V. (2018). Ethnic Identity in the Context of the Processes of Interethnic Integration. *Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space*. no. 6-1. pp. 433-439. (In Russ.)

Иванова, А. В., Филиппова, Н. И. (2016). Модели организации непрерывного этнокультурного и поликультурного образования. *Педагогическое образование в России*. № 3. С. 206-212.

Ivanova, A. V., Filippova, N. I. (2016). Models of the Organization of Continuous Ethnocultural and Multicultural Education. *Pedagogical Education in Russia*. no. 3. pp. 206-212. (In Russ.)

Козырев, Г. И. (2008). *Политическая конфликтология*. М.

Kozyrev, G. I. (2008). *Political Conflictology*. Moscow. (In Russ.)

Куропятник, А. И., Куропятник, М. С. (2018). Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 18. № 2. С. 250-261.

Kuropyatnik, A. I., Kuropyatnik, M. S. (2018). Interculturalism: A Post-Multicultural Discourse of Social Integration. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. no. 2. pp. 250-261. (In Russ.)

Науменко, Л. И. (2004). Идентичность этническая. *Социология: Энциклопедия*. Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. М. Книжный Дом. С. 350-351.

Naumenko, L. I. (2004). Ethnic Identity. In Gritsanov, A. A., Abushenko, V. L., Evelkin, G. M., Sokolova G. N., Tereshchenko, O. V. (comp.) *Sociology: An Encyclopedia*. Moscow. pp. 350-351. (In Russ.)

Персидская, О. А. (2020). Межэтнические солидарность и интеграция: теоретические модели и практические подходы в образовательном процессе. *Философия образования*. Т. 20. № 3. С. 128-140.

Persidskaya, O. A. (2020). Interethnic Solidarity and Integration: Theoretical Models and Practical Approaches in the Educational Process. *Philosophy of Education*. Vol. 20. no. 3. pp. 128-140. (In Russ.)

Платонов, Ю. П. (2003). *Основы этнической психологии*. СПб.

Platonov, Yu. P. (2003). *Fundamentals of Ethnic Psychology*. St. Petersburg. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2015). Мультикультурализм, интеркультурализм, интернационализация в социокультурной динамике. *Сибирский философский журнал*. Т. 13. № 2. С. 48-55.

Popkov, Yu. V. (2015). Multiculturalism, Interculturalism, Internationalization in Socio-cultural Dynamics. *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 13. no. 2. pp. 48-55. (In Russ.)

Сергеева, Н. Н. (2019). Этнокультурное образование как ресурс гармонизации этнического и гражданского компонента в структуре идентичности личности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 5. С. 59-64.

Sergeeva, N. N. Ethnocultural Education as a Resource for Harmonizing the Ethnic and Civic Component in the Structure of a Person's Identity. *Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. no. 5. pp. 59-64. (In Russ.)

Солдатова, Г. У. (1998). *Психология межэтнической напряженности*. М. Смысл.

Soldatova, G. U. (1998). *Psychology of Interethnic Tension*. Moscow. (In Russ.)

Цапенко, И. П., Монусова, Г. А. (2017). Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 90-105.

Tsarenko, I. P., Monusova, G. A. (2017). Integration Potential of Ethnocultural Diversity in European Societies. *Polis. Political Studies*. no. 4. pp. 90-105. (In Russ.)

Badea, C. (2017). Group Ideologies. In Moghaddam, F. M. (ed.) *The SAGE Encyclopedia of Political Behavior*. Vol. 2. London. SAGE Publications. p. 345

Benet-Martínez, V. (2012). Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes. In Deaux K., Snyder, M. (eds.) *Oxford Handbook of Personality and Social Psychology*. Oxford. Oxford University Press. pp. 623-648.

Berry, J. W. (1999). Aboriginal Cultural Identity. *The Canadian Journal of Native Studies*. Vol. 19(1). pp. 1-36.

Guimond, S., de la Sablonnière, R., Nugier, A. (2014). Living in a Multicultural World: Intergroup Ideologies and the Societal Context of Intergroup Relations. *European Review of Social Psychology*. Vol. 25. pp. 142-188.

Moghaddam, F. M. (2012). The Omnicultural Imperative. *Culture & Psychology*. Vol. 18. no. 3. pp. 304-330. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067X12446230>

Phinney, J. S. (1989). Stages of Ethnic Identity Development in Minority Group Adolescents. *The Journal of Early Adolescence*. no 9. pp. 34-49. DOI: 10.1177/0272431689091004

Phinney, J. S., Ong, A. D. (2007). Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*. no. 54. pp. 271-281. DOI: 10.1037/0022-0167.54.3.271

Prashad, V. (2003). Bruce Lee and the Anti-Imperialism of Kung Fu: A Polycultural Adventure. *Positions: East Asia Cultures Critique*. Vol. 11. no 1. pp. 51-89.

Zapata-Barrero, R. (2015). Interculturalism: Main Hypothesis, Theories and Strands. In Zapata-Barrero, R. (ed.) *Interculturalism in Cities. Concept, Policy and Implementation*. Cheltenham. Edward Elgar Publishing.

Сведения об авторе / Information about the author

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

Статья поступила в редакцию: 15.08.2021

После доработки: 02.09.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

Persidskaya Olga – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6821-4692>

The paper was submitted: 15.08.2021

Received after reworking: 02.09.2021

Accepted for publication: 10.09.2021